

Александр

Тамоников

Ликвидатор

До смерти – сотая доля секунды

Александр Александрович Тамоников

Ликвидатор

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11301650

Ликвидатор / Александр Тамоников: Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-81298-1

Аннотация

Станислав Пинегин работает ликвидатором в антитеррористическом ведомстве. Нет, это не обычный наемный убийца. Станислав вершит правосудие, он служит Родине, он очищает страну от коррупционеров и преступников. Так, во всяком случае, говорил полковник Трухин, его непосредственный начальник. Первое задание выполнено чисто – ликвидирован отъявленный коррупционер экс-депутат Скребнев. Затем уничтожен бизнесмен Корнилов, который травил людей фальшивыми лекарствами. Но вот третий заказ ошеломляет Пинегина. Ему поручено убрать врача Марину – ту самую красивую молодую женщину, с которой ликвидатор недавно познакомился и к которой уже начал испытывать нежные чувства...

Александр Тамоников

Ликвидатор

© Тамоников А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Все изложенное в книге является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.

А. Тамоников

Глава 1. Областной центр Петровск – село Моканово

Сегодня передо мной поставлена простенькая задача. Читая досе на очередную жертву, я поймал себя на мысли, что зеваю от скуки. Покончив с изучением текстового и фотоматериала, я пару дней привычно занимался слежкой, отработывал маршруты передвижения клиента и подбирал наилучший способ его устранения.

Да, именно устранения, потому что с некоторых пор я, в прошлом боевой офицер-диверсант, являюсь штатным

ликвидатором некоей спецслужбы, называть которую не считаю возможным. Ну а сегодня настал час «Х», и я привычно отправился в гараж за оружием.

Для предстоящей работы снайперские винтовки из моего арсенала не подходили. Даже небольшой «Винторез» был слишком громоздок для поездки в село Моканово. Да и зачем там винтовка, если стрелять придется почти в упор?

Пришлось достать из тайничка старый добрый ПМ с глушителем. Я давно использую эту машинку в своей напряженной творческой работе.

Почему? Все просто.

Во-первых, это самый обыкновенный пистолет на всем постсоветском пространстве. На руках их – учтенных и неучтенных – сотни тысяч. Отследить каждый просто невозможно.

Во-вторых, если его стрелковые характеристики давно являются предметом споров, то надежность никогда и ни у кого не вызывала нареканий.

В-третьих, мой «макаров» кое-чем отличается от стандартного. На нем отсутствует серийный номер. Пистолет пристрелян и имеет прекрасный кучный бой.

Я прихватываю из тайника запасной магазин. Ведь никто не знает, как пойдут дела при реализации полученной задачи. Как говорится, запас карман не трет. Надо взять фонарь, небольшой фотоаппарат, нож и несколько шприц-тюбиков со специальным препаратом, так, на всякий случай.

Я проверил оружие и снаряжение, тщательно зашнуровал кроссовки. Это самая удобная обувь не только для занятий спортом, но и для боевой работы, особенно в тылу противника, когда нередко приходится совершать многокилометровые марши по сильно пересеченной местности.

Потом я надел невзрачную темную ветровку, покинул гараж и сел в автомобиль. Ехать мне предстояло через весь город – в сторону его западной окраины.

Моканово находилось в трех километрах от городской черты. Там я намеревался оставить машину в одном проверенном укромном местечке.

Ночь накрыла город. Я медленно ехал по освещенным фонарями улочкам Петровска, скрупулезно соблюдал правила дорожного движения и размышлял о человеке, которого вскоре отправлю на тот свет, естественно, при условии, что он окажется на месте.

На этот раз жертвой должен стать бывший депутат областного масштаба Игорь Михайлович Скребнев. Ему пятьдесят лет. Официально он зарегистрирован на улице Оборонной, в большой квартире современного элитного дома. На самом же деле его личная жизнь сложна и запутанна. Перед стартом операции мне пришлось выяснить все до мельчайших деталей. Даже то, что наивному электорату знать не полагалось.

К примеру, мне стало известно, что с законной супругой Раисой Алексеевной Скребнев практически не общает-

ся. Год назад он нанял водителя, заодно и охранника. Этот самый Сергей Михайлович Моргулин ранее служил офицером ВДВ.

Бывший депутат ездит на черном двухсотом «крузаке» и имеет привычку посещать одну сауну, закрытую для общего пользования. Он обожает молоденьких женщин и даже имеет любовницу, коей прикупил квартиру на улице Соколовой. Сам же Игорь Михайлович постоянно обитает в роскошном загородном трехэтажном доме с садом, бассейном, огромным холлом, камином, кучей спален и прочими неотъемлемыми причиндалами трудной жизни современного политика.

На светофоре горел красный сигнал. Вокруг ни машин, ни прохожих. Тем не менее я притормозил, дождался зеленого сигнала, затем продолжил движение.

То, что Скребнев жил за городом, в коттеджном поселке, вплотную примыкавшем к селу Моканово, здорово облегчало мою задачу. Если бы он постоянно обитал в квартире на Оборонной, то мне пришлось бы попотеть. Ведь она располагалась почти в центре города. Незаметно проникнуть внутрь элитной многоэтажки, подходы к которой «простреливались» камерами видеонаблюдения, а в каждом подъезде сидела придирчивая консьержка, было бы довольно трудно. Вдобавок от меня требовалось не только оказаться в жилище бывшего депутата, но и незаметно оттуда скрыться. Потолки в элитном доме высокие – не прыгать же с балкона третьего

этажа! Этакий фортель может закончиться тем, что я останусь лежать на асфальте в собственном дерьме и желудочном соке. В Моканове подобных сложностей нет.

Я выехал на городскую окраину. Улицы становились уже, дома ниже, а дорожное покрытие – хуже. Вот и последние фонари на столбах остались позади. Справа мелькнул дорожный указатель. На горизонте показались огоньки населенного пункта, нужного мне.

Накануне я детально изучил карту и даже наведалься в Моканово, произвел, выражаясь военным языком, рекогносцировку. В процессе подыскал неплохое местечко для стоянки автомобиля. Нашел наилучший маршрут до особняка, осмотрел его, прикинул, как можно туда проникнуть, подобрал пару запасных вариантов экстренного отхода.

Долгожданный поворот с трассы. До стоянки остается метров триста. Я сбавляю скорость, усиливаю внимание. Вокруг кромешная тьма. Только ближе к горизонту едва светится одинокий фонарь на столбе возле сельского магазина, который ночью, разумеется, закрыт. За ним-то я и планировал оставить машину.

Последнюю сотню метров я проезжаю на малых оборотах. Шуметь и привлекать внимание сельчан совершенно ни к чему.

Первый пункт плана исполнен. Я на месте.

Глушу мотор, нащупываю под сиденьем черную маску с прорезями для глаз и рта, натягиваю ее на голову, тихонько

открываю дверцу и выскальзываю наружу. Тело обдает ночная свежесть, усиленная близостью березовой рощи и озера Лаково.

Сигнализацию я не включаю и даже не запираю на ключ дверцу автомобиля. Найти его в кустах за магазином и днем не так-то просто. Потом я поправляю пистолет, торчащий за поясом, выхожу из зарослей и направляюсь к объекту.

По дороге я дважды натыкался на фантомных, почти невидимых местных жителей. Они наверняка знали в Моканове каждую кочку и передвигались в кромешной темноте так же хорошо, как и при свете солнца. Я же едва успевал нырнуть в сторону от тропинки и затаиться под ближайшим кустом. Не будь у меня отточенных навыков боевой работы в лесной местности, не миновать бы мне обнаружения и всей цепочки дальнейших неприятностей.

Через четверть часа я добираюсь до нужной улицы, сплошь застроенной скромненькими такими особнячками в три-четыре этажа. Здесь совершенно другой мир: высокие заборы, относительно светло, качественный асфальт и ровно высаженные деревья. Ни грязи, ни дикорастущих кустов, ни ужасных запахов.

– Слуги народа, мать вашу!.. – беззвучно шепчу я, старательно избегая пятен света.

Потом я опускаю одно колено на теплую землю под деревцем и несколько минут остаюсь без движения. Все готово к началу боевых действий. Теперь для меня не существует

ничего, кроме плана выполнения поставленной задачи. Отныне меня не заботит жизнь охранников Скребнева или безопасность тех несчастных из персонала, которые могут подставиться под пули. Ничто не помешает мне, не послужит непреодолимым препятствием в достижении цели.

К этому меня приучила многолетняя служба в Афганистане. Там мне приходилось ликвидировать крупных полевых командиров, агентов вражеских разведок, предателей и прочих «друзей» нашей Родины. Хотя лучше, конечно, обойтись без невинных жертв. Для того я и прихватил с собой специальные препараты. Я же не бездушный киллер, способный за деньги убить родную мать.

Итак, второй пункт плана заключается в проникновении на обширную территорию, принадлежащую депутату.

Во время рекогносцировки я выяснил, что его участок граничит с опушкой березняка. Поначалу эта деталь обрадовала меня, однако, сделав крюк и прогулявшись по лесочку, я приуныл. С тыла к Скребневу не подобраться. Декоративный заборчик, тянувшийся вдоль улицы, имел в высоту метра два с половиной. Зато с противоположной стороны ограда была чуть ли не вдвое выше. По ее верху была пущена «егоза» – колючая проволока в виде густых завитков. Данное ограждение еще называлось спиралью Бруно.

Со стороны рощи имелась и калиточка, через которую народный избранник, уставший от государственных дел, выходил вдохнуть лесные ароматы. Она также выглядела непри-

ступной: сплошной стальной лист с хитрым замком и окуляром оптического глазка.

Вывод напрашивался сам. Штурмовать эту крепость проще со стороны фасада.

Во-первых, на фасаде я не заметил камер видеонаблюдения и витков колючки. Вероятно, спокойная жизнь в поселке ни разу не преподносила местным нуворишам неприятных сюрпризов и нужды в таких мерах предосторожности не возникало.

Во-вторых, парадный забор состоял из витиеватых чугунных секций, густо оплетенных диким виноградом. Перелазить через такое препятствие – одно удовольствие.

В-третьих, темной ночью улочка была так же пуста, как и опушка рощи. Ни пешеходов, ни бродячих собак.

Итак, место для начала работы выбрано. Это слабо освещенный участок забора аккурат посередине между створками автоматических ворот и началом соседского ограждения.

Короткий взгляд по сторонам. Никого.

Смотрю на часы. Пора.

Я бесшумной тенью перебегаю улочку и оказываюсь под забором. Прислушиваюсь в последний раз.

Прогуливаясь здесь вчера, я уделил почти час времени на выяснение одного важного момента. Есть ли на депутатском участке собаки? К счастью, четвероногих друзей у Скребнева не было, и данный факт изрядно меня обрадовал. Порой именно сторожевые псы становились серьезной

проблемой по ходу моих операций.

Я неторопливо лезу вверх. Главное – не зацепить сухую виноградную лозу.

Вершина. Я приподнимаю голову, осматриваю двор.

В центре обширного участка возвышается трехэтажный особняк с колоннами по фасаду. Перед высоким крыльцом разбита цветочная клумба, вокруг нее кольцо дорожки, выложенной из красивой разноцветной плитки. У ворот припаркован двухсотый «крузак», уже известный мне. Участки, свободные от плитки, засеяны газонной травой, местами темнеют пятна высоких туй и еще каких-то деревьев. Ночное освещение двора слабое. Один фонарь расположен сбоку от стоянки «крузака», другой тлеет над крыльцом.

Покончив с осмотром, я переваливаю через вершину чугунной секции и прыгаю вниз – на мягкую, ровно подстриженную травку.

Со вторым пунктом покончено. Настал черед третьего – проникновение внутрь здания.

Надеюсь, мне повезет. Скоро я увижу, как живут рядовые, пусть и бывшие, депутаты областных дум.

Во дворе из-за скудного освещения царит полумрак, но долго оставаться на открытом пространстве нельзя. Я двигаюсь вдоль забора, скрываясь за декоративными туями. Сначала параллельно фасадной стороне, затем, от угла – вдоль соседского участка.

Ровно подстриженная трава помогает перемещаться

по двору бесшумно, но я по давней привычке при каждом шаге сначала ощупываю стопой поверхность, а потом уж переношу на ногу вес тела. Так мне когда-то приходилось преодолевать участки, где могли оказаться противопехотные мин.

Все окна в особняке темны. Кроме двух, расположенных по обе стороны от входной двери.

Я подхожу вплотную к дому, осматриваю застекленные проемы.

Первый, второй, третий... Расположены они высокова-то, к тому же все забраны надежными решетками и закрыты наглухо. Внутри, наверное, работают кондиционеры. Стало быть, мне придется проникать в дом через второй этаж. Там решеток не видно.

Ладно, вверх, так вверх. Я цепляюсь за края декоративных камней, чуть выступающих из кладки, и карабкаюсь по вертикальной стене.

Второй этаж. Узкий парапет, пущенный вдоль всего дома и зрительно разделяющий этажи. Край балкона одной из спален.

Перемахнув чугунные перила, я пять секунд выжидаю, а заодно осматриваю обширный участок.

Внизу все спокойно. Значит, можно идти дальше.

С балкона я захожу внутрь и оказываюсь в простенькой депутатской спальне площадью метров тридцать пять, а то и все сорок. К счастью, комната оказалась пуста. Я включаю

фонарь и мельком осматриваюсь.

Камин, туалетный столик перед зеркалом, пуфик, шкаф. Ну и разумеется, огромная двуспальная кровать с двумя тумбочками по бокам. По центру потолка люстра весом с центнер. На полу дорогой ковер. На окнах черная прозрачная ткань. Кажется, она называется органза.

Я выключаю фонарь, приоткрываю массивную дверь и осторожно выглядываю в коридор.

Никого.

Я покидаю спальню и крадусь по коридору. Теперь передо мной стоит самая нелегкая задача – отыскать то помещение, где спит клиент. Накануне я даже не пытался прояснить этот вопрос, ибо понимал всю бесполезность данного занятия. Кто мог точно знать, где сегодня изволит почивать его сиятельство Скребнев?..

Я подхожу к ближайшей двери, прислушиваюсь.

Тихо.

Я осторожно поворачиваю дверную ручку, толкаю полотно и заглядываю внутрь комнаты. В слабых отблесках уличных фонарей вижу аккуратно застеленную кровать и примерно тот же набор мебели, что и в первой комнате. Иду дальше.

Вторая и третья спальни также оказались пусты. А возле четвертой двери меня ждал сюрприз. Кто бы знал, как я их ненавижу! Особенно тогда, когда работаю по плану, не предусматривающему вот этих самых милых неожидан-

ностей.

Сначала тишину нарушили посторонние звуки, что-то похожее на регулярно повторяющийся шорох. Только спустя две-три секунды в конце коридора появился мужчина, одетый в джинсы и светлую рубашку навыпуск.

Спрятаться негде. Да мне и не хотелось оттягивать развязку. Если это Скребнев, то дело разрешится гораздо быстрее, чем я ожидал.

«Неужели клиент собственной персоной?! – Я поднял пистолет. – Какая удача! Мне даже не пришлось долго искать!...»

Однако радость моя оказалась преждевременной. Увидев меня, мужик метнулся к стене, выхватывая оружие из оперативной кобуры.

«Ого! Что-то слишком резво для депутата», – подумал я, скривил губы и произвел три выстрела подряд.

Приглушенные хлопки, танец горячих гильз по полу. Густые красные ошметки, ползущие по сиреневой краске дальней стены коридора. Мой противник не успел произвести ни одного ответного выстрела и повалился на пол. Его ноги несколько раз конвульсивно дернулись.

Готов. Надо убедиться в его смерти и уходить.

«Водитель-охранник! Моргулин, бывший офицер десантуры, – сообразил я, осматривая тело. – Не вовремя ты подвернулся, братец. Уж извини. Работа у меня такая».

Стараясь сохранить тайну своего вторжения, я затащил

бездыханное тело в одну из пустых спален и продолжил поиски проклятого политика областного масштаба.

На втором этаже не оказалось ни одной живой души. Видимо, здешние спальни предназначались для гостей. Хозяин сего здания предпочитал почивать в каком-то другом месте.

В конце коридора, как и ожидалось, была устроена шикарная лестница, соединявшая все этажи.

Я быстро поднимаюсь наверх. Там тянется такой же коридор, только комнат всего две – слева и справа. Большую часть пространства занимает зал развлечений с колоннами, поддерживающими крышу. В нем несколько игровых столов – для рулетки, русской пирамиды, карамболя, снукера, американского пула. Вдоль дальней стены стоит пяток игровых автоматов. Ну и завершает все это великолепие стойка бара с огромным холодильником для напитков.

Я одинаково хорошо стреляю с обеих рук, но по природе своей все-таки правша. Поэтому передвигаться мне удобней вдоль левой стены. Пригнувшись, я беззвучно ступаю по мраморному полу.

Осмотр начинаю с левой комнаты. Медленно отворяю дверь, заглядываю туда.

Это рабочий кабинет моего клиента. Стол с декоративным светильником и компьютером, кожаное кресло, достойное руководителя высокого ранга. Здесь же пара шкафов со стеклянными дверцами, журнальный столик с креслами-ракушками. Ковер на полу такой же дорогой, как и в спальнях,

только размерами побольше. Окна закрыты плотными портьерами. На стенах – картины в позолоченных багетах, явно не репродукции.

Кабинет пуст.

Шансы мои увеличиваются. Напротив находится спальня, в которой наверняка и дрыхнет моя цель.

Я приоткрываю дверь, сразу нахожу кровать, вскидываю руку и... едва не стреляю в аккуратно застеленную постель.

«Что за чертовщина?! – думаю я, приглушенно ругаюсь и покидаю комнату. – Неужели этот гад что-то почувствовал и смылся? Не хватало еще гоняться за ним по ночному поселку!»

Я возвращаюсь в коридор, слышу торопливые шаги по лестнице, прислоняюсь спиной к стене, поднимаю пистолет. Палец застывает на спусковом крючке.

На этаж торопливо поднимается щупленькая девчонка. Судя по строгой, хорошо отглаженной одежке – из obsługi.

Палец слабеет. Нет, в нее выстрелить я не смогу.

Она останавливается в трех метрах от меня, глядит сначала насмешливо и даже игриво, не понимая, что перед нею смерть. Затем девчонка замечает в здешнем полумраке черную маску, скрывавшую мою голову. Ее лицо перекашивает ужас.

Времени на размышление и уговоры нет. Еще секунда, и особняк потонет в ее истеричном вопле.

Я подскакиваю к ней, зажимаю ладонью ее рот и шепчу

на ухо:

– Тихо, девочка. Я не причиню тебе вреда, твоя жизнь мне не нужна. Веди к хозяину. Где он?

Кивок на лестницу, глаза вниз.

– На первом этаже?

Девушка отрицательно качает головой.

– Еще ниже?! В подвале?

На этот раз она делает утвердительный кивок.

– Что там – сауна, бассейн? – спрашиваю я.

– Да. Есть и сауна, и бассейн, – шепотом отвечает девушка.

– Охрана в доме есть кроме водителя?

– Нет. Только Сергей.

– Пошли! Но давай без глупостей, если жизнь не надое-
ла, – приказываю я.

Крадучись, мы подходим к широким ступеням, осторожно спускаемся по ним.

Для вооруженного киллера и его случайной жертвы мы выйдем необычно.левой рукой я прижимаю к себе девочку, а в моей правой ладони поблескивает черной сталью пистолет с толстым глушаком. Однако щедедушное тело заложницы вовсе не служит мне живым щитом. Скорее наоборот. Я прикрываю ее от возможной стрельбы снизу. Так и идем в обнимку – ступень за ступенью, метр за метром.

Второй этаж. Первый...

На последних ступенях подвала девочка стала задыхать-

ся.

Я шепнул:

– Ты не будешь шуметь?

«Нет», – ответили ее выразительные глаза.

Моя ладонь освободила аккуратненький ротик, но готова была моментально его захлопнуть.

Кричать девочка не стала, только тихо сообщила:

– Мой хозяин в сауне не один.

– А с кем? – поинтересовался я.

– С другом и двумя женщинами.

– С какими еще женщинами? – недовольно спросил я.

– Не знаю. Сюда разных привозят. Почти каждый вечер.

Ясно, что это за женщины.

Ладно, пора действовать. Самое главное в том, что в особняке больше нет охраны. Видать, совсем расслабился бывший депутат. Обнаглел от своей безнаказанности.

Массивная дверь из ценных пород дерева не заперта. Мы входим и погружаемся в царство здорового пара. Запах прокаленной, высушенной липы, смешанный с духом березовых веников и вонюю недавно пролитого алкоголя. Плеск воды в бассейне, многократное эхо голосов...

Водоем меня пока не интересует. Раздетые люди моих планов не нарушат. Это могут сделать те особы, которые сейчас находятся в комнате отдыха – светлом помещении справа. Там видны кресла, стол, разбросанная одежда.

Мы медленно двигаемся туда.

Внезапно гомон у бассейна нарушает трель телефонного звонка, льющаяся из светлого помещения.

– Слушаю, – отвечает уверенный голос.

Я ускоряю шаг и тяну за собой девчонку. Ведь звонить кто-то может и по мою душу. Утечки информации, даже из самых секретных закров спецслужб, еще, к сожалению, никто не отменял.

Вот и комната отдыха. На резной деревянной лавке у стола вальяжно восседает тучный мужчина лет пятидесяти пяти. В одной руке у него кружка пива, другой он прижимает к уху телефонный аппарат.

Два выстрела в голову. Тело отваливается назад. Кружка со всего маха разбивается об плиточный пол.

– Ты чего там, Семеныч, водки с пивом перебрал? – доносится из-под арки, от бассейна.

Мужскому голосу вторит залиvistый женский смех.

Осмотр убитого занимает три секунды. Это определенно не Скребнев. Его наружность я хорошо изучил по фотоматериалам.

Теперь под арку.

Посередине бассейна стоит пятидесятилетний мужик с характерными залысинами и оттопыренными ушами.

Он! Его сиятельство, бывший депутат господин Скребнев.

Ну, здравствуй, так называемый слуга народа! Вот и настал час расплаты за все грешки. Твою биографию из досье я мог бы и не читать. Они у таких деятелей, как ты, практи-

чески под копирку.

В лихие девяностые забросил учебу и ушел в коммерцию: построил ларек, потом арендовал магазинчик. Бизнес процветал, ты богател.

Все бы ничего, если бы ты остался в своем ларьке, но тебе жутко хотелось идти дальше – в политику, во власть. После некоторых потуг ты переехал в роскошный кабинет, уселся в начальственное кресло, закопался в ворохе важных бумаг. Однако тебе и этого показалось мало.

Сначала ты искал лазейки в законе, через несколько лет оброс связями, почувствовал силу, обнаглел и стал действовать напропалую. Знаешь, в чем беда таких недоумков, как ты? В том, что ваше сознание навсегда застревает на уровне ларька. Вы руководите районами, городами, областями, краями или центральными ведомствами, а мыслите масштабами двух прилавков и холодильника.

Ладно, пора заканчивать лирику.

Одна обнаженная девица расслабляется на лежаке, вторая, похожая на пьяную русалку, медленно плавает вокруг Скребнева. Она останавливается, лишь завидев меня.

– Ты кто?.. – спрашивает бывший депутат и очумело смотрит на меня.

– Дед Мороз! Подарок вот тебе принес. – Я поднимаю пистолет и разряжаю в обрюзгшее тело все патроны, оставшиеся в магазине.

В такт выстрелам депутат взвизгивает на удивительно

высокой ноте, подпрыгивает и снова падает в воду, разгоняя по цветным бортам жуткую волну. Девки кричат, глядя на обмякшее тело Скребнева и на то, как вода вокруг него обильно окрашивается в розовый цвет.

Я меняю магазин и команду:

– Быстро из воды!

Раздетая девка пулей взбирается на бортик, вторая хватается полотенце, прикрывает раскрасневшееся тело и снова орет.

– Заткнитесь! – приказываю я голосящим шлюхам. – Будете себя хорошо вести – не трону. Идите в комнату отдыха.

Девки замолкают и послушно спешат в указанном направлении. Туда же следует и моя спутница из обслуги. Я же достаю портативный фотоаппарат и снимаю клиента, только что почившего.

Что ж, дело сделано. Пора браться за последний пункт моего плана.

Я без проблем выхожу из дома и перемахиваю через забор. Сейчас некогда возиться с замком калитки. Потом я осторожно, вдоль заборов продвигаюсь по селу. Кругом царит тишина.

Сажусь в машину, завожу двигатель, выезжаю на улицу. Все еще ночь. Пустынная дорога. Я еду домой, изредка поглядывая в зеркала заднего вида, проверяю, нет ли за мной хвоста.

Пока все чисто. Иного вроде бы и ожидать не приходится.

Но страховка – штука важная, она лишней никогда не бывает.

Оружие, боеприпасы и все прочие причиндалы, нужные для работы, надежно спрятаны в машине. Да и вряд ли кто-то из полицейских решится меня досматривать.

В кармане у меня лежит удостоверение майора, имеющего честь служить в управлении спецмероприятий некоего антитеррористического ведомства. Этот уникальный документ гарантирует мою полную неприкосновенность и обязывает всех сотрудников правоохранительных органов оказывать мне посильную помощь. Хотя, признаться, для чистоты операции мне не хотелось бы светиться и беседовать даже с представителями ГИБДД.

К исполнению обязанностей ликвидатора я приступил несколько лет назад. Именно тогда мне и пришлось поменять автомобиль. Я очень любил свой старенький «Опель» серебристого цвета, но он совершенно не подходил для моей работы. Мне нужна была мощная машина с отменной проходимостью, желательно темной масти.

Мой выбор пал на джип с очень тихим бензиновым двигателем мощностью под триста кобыл и отличной динамикой разгона. Пневматическая подвеска, защитные пластины и другие вкусности для передвижения по пересеченной местности. Плюс глубокий черный цвет и наличие собратьев, позволяющее не бросаться в глаза даже в таком захолустье, как Петровск.

Впрочем, называть так его можно лишь весьма условно. Город большой, с населением около полутора миллионов человек.

Село Моканово осталось далеко позади. Мой внедорожник резво мчится по трассе, распугивая ворон, проснувшихся в такую рань. Асфальтовое покрытие постепенно становится светлее, впереди полыхает желтое зарево ночного Петровска. Над городом нависают тяжелые облака. Похоже, денек не порадует горожан хорошей погодой.

Скоро пять утра. Хорошо бы добраться до дома затемно. Лишние свидетели моих ночных поездок мне ни к чему.

Я прибавляю газку и улыбаюсь. Мне вспомнился неподдельный испуг тех девиц – двух молоденьких шлюх и совсем юной служанки. Я наскоро обыскал сауну, изъял все мобильные телефоны, запер их и покинул особняк. Ничего с ними не случится. Отоспятся, покушают – еды там навалом.

Хотя нет, им теперь не до еды и не до сна. Так и просидят, прижавшись друг к другу, всю оставшуюся ночь и утро. Днем кто-нибудь хватится исчезнувшего политика и начнет его искать. Так что лишение свободы долгим не будет.

Про меня же им сказать нечего. Ну опишут рост, одежду, голос – что с того? Мою голову полностью скрывала черная маска, наколок на руках нет, особых примет тоже. От старенькой одежды и кроссовок я избавлюсь, моего автомобиля никто из них не видел. В общем, сработал я чисто. Девчонки остались живы.

Въезд в город. На этом здешнем перекрестке частенько пасутся доблестные сотрудники ДПС. Я бросаю короткий взгляд в зеркало заднего вида. Как говорят в наших кругах: «Если ты все сделал правильно, это еще не означает, что у тебя все будет хорошо». Но данная поговорка сегодня не про меня. Сзади пусто.

Перед перекрестком я сбавляю скорость до сорока, усиливаю внимание. Мне опять повезло. Инспекторов нет. Видимо, здесь и сейчас им ловить совершенно нечего.

Через пару кварталов я сворачиваю на второстепенную улочку. Так маршрут выйдет длиннее, но безопаснее. Здесь я точно не повстречаю патрульную машину с мигалками.

Я замечаю на обочине мусорные баки, останавливаюсь, выключаю фары, покидаю салон, открываю багажник и достаю пакет, приготовленный заранее. В нем старенькая рабочая одежда, которую нужно выкинуть. Я укладываю его поглубже в бак и на всякий случай маскирую сверху разным хламом.

Отлично. Мне предстоит сделать еще одну остановку, выбросить маску и стреляные гильзы, предусмотрительно собранные в особняке.

В гараж мне сегодня ехать не хотелось, и через двадцать пять минут я припарковал машину на соседней от дома улице. Я немного посидел без движения, успокоил дыхание, сунул за пояс пистолет и выбрался наружу.

Все. Скоро приму душ и с удовольствием растянусь

на кровати. К сожалению, долго поспать не получится. Я должен передать отчет о проделанной работе. Прямо сейчас, по дороге домой, мне нужно связаться с госпожой Забравской и назначить встречу.

Я достаю сотовый телефон, по памяти набираю номер и устало говорю:

– Привет.

– Привет, – слышится заспанный женский голос.

Недовольства в нем нет. Работа обязывает нас общаться в любое время дня и ночи.

– Как твои дела? – спрашивает дама.

– Все в порядке.

– Сегодня увидимся?

– Да.

– Во сколько тебе удобнее?

– Часиков в одиннадцать с четвертью.

– Хорошо. Там, где ты в первый раз подарил мне цветы.

До встречи.

Наконец-то я оказался дома, быстро разделся и встал под струи контрастного душа, который просто обожаю. После водных процедур я слегка перекусил, упал на диван и мгновенно провалился в черную пропасть сна, очень крепкого, но запрограммированного на определенное время.

В 11.10 я сижу в кафе «Радуга», как и всегда, за столиком у окна, потягиваю ароматный кофе и посматриваю на улицу.

«Радуга» – довольно большое кафе, расположенное в парке культуры и отдыха. Помимо двух залов – общего и банкетного, здесь имеется шесть отдельных кабинетов. В одиннадцать утра заведение только открывается, народу нет, и кабинки пустуют. Потому мы и назначаем встречи именно здесь. Это удобно – парк разбит в центральной части города, и нам с Миленой проще сюда добираться. К тому же нет лишних глаз и ушей.

Панорамные окна выходят на обширные газоны и асфальтированные дорожки. Сквозь чугунное литье ограды видна проезжая часть примыкающей улицы, по которой часто проносятся автомобили.

С погодой я, увы, угадал. С утра моросит мелкий дождь, солнце ни разу не показалось сквозь завесу серых облаков. Настроение скверное, в голове пустота.

«Однако, время! – Я гляжу на часы. – Наша красавица в своем амплуа».

Дамочку, которую я поджидаю, зовут Милена Эдуардовна Забравская. Она посредник в моей работе. Точнее – связной. Наши встречи происходят довольно редко. Первая перед операцией, когда она передает мне флешку с информацией о будущей жертве. Вторая – как сегодня – после завершения всего дела. Порой мне кажется, что вместо мозгов в ее голове хранится гранитный камень с гравировкой: «Я красивая, умная, сексуальная и успешная».

Наконец к тротуару улочки, примыкающей к парку, под-

рулила знакомая светло-серая «Тойота». Из салона вышла Милена, прикрыла прическу каким-то глянцевым журнальчиком и, забавно перепрыгивая лужи, поспешила к входу в кафе.

Отыскав меня в кабинете, она расцвела и заявила:

– Привет! Давно ждешь?

– Нет, что ты. Даже кофе не успел прокиснуть. – Я кивнул на чашку.

Женщина устраивается на стуле и поправляет прическу.

Забравская имеет достаточно яркую внешность. На мой взгляд, даже слишком. Стройная, высокая, ровные ножки от ушных мочек, глаза по пятаку, губки бантиком, грудь Эверестом. Она обожает поражать публику экзотическими прическами и золотыми украшениями. Из летней одежды предпочитает полупрозрачные блузки, вызывающие юбки чуть длиннее нижнего белья и обувь на высоченных каблуках. Зимой ходит исключительно в шубах, пошитых из шкурок замученных пушных зверей.

Генерал Семирядов как-то обмолвился, что Милена была счастлива в браке двадцать лет. Правда, за это время она сменила пять мужей. Будь я на месте шефа, обязательно заставил бы ее одеваться не столь броско. По крайней мере при исполнении своих служебных обязанностей.

– Как дела? – спрашивает Милена, ослепляя меня белозубой улыбкой.

– Все в норме. Заказывать что-нибудь будешь?

– Нет. К сожалению, тороплюсь.

В ее голосе действительно сквозит сожаление. Едва ли не каждый раз, встречаясь со мной в «Радуге», она завуалированно предлагала мне развить отношения до совсем уже тесных, но я с вежливой деликатностью отказываюсь. Просто по жизни у меня сложился принцип – никакого интима с сослуживицами и с соседками. Только на дальней стороне.

– Тогда держи. – Моя ладонь едет по гладкой столешнице.

Посетителей в кафе по-прежнему не видно. Камер наблюдения в кабинетах я никогда не замечал, хотя глаз у меня на эти штучки наметан. Тем не менее нам требовалось соблюдать конспирацию, и мой жест ни у кого не вызвал бы никаких подозрений. Нет ничего особенного в том, что мужчина касается руки красивой женщины. Так на свиданиях делает большинство влюбленных.

Поглаживая бархатную кожу Милены, я слегка разжимаю пальцы и передаю флешку, на которую успел перекинуть фотографии покойного Скребнева.

Забравская едва заметно кивает.

Контакт состоялся.

Для виду она сидит рядом со мной еще минут пять, затем прощается, выпархивает из кафе и мчится к шефу. А я, пожалуй, закажу вторую чашечку кофе, а потом поеду домой. Там хлопну грамм сто пятьдесят виски и упаду отсыпаться. Больших алкогольных доз я с некоторых пор не употребляю.

Я задерживаюсь в кафе на десять минут, расплачиваюсь,

выхожу на улицу и спешу к машине. Еду домой с чувством исполненного долга и абсолютно пустой головой. Что ни говори, а каждая операция по устранению всевозможных подонков отнимает массу сил и жизненной энергии.

По лобовому стеклу стекают ручейки дождевой воды. Небо затянуто сплошной серой облачностью. Погода добавляет в настроение минорных ноток, навеивает воспоминания и размышления о собственной жизни.

В ближайшие дни меня ждет полноценный отдых. Буду отсыпаться, смотреть телевизор, кормить вечно голодного Младшего Сержанта – годовалого черно-белого котейку, читать книги и пить холодное темное пиво. Поэтому я решаю поставить машину в гараж, от греха подальше. Между моим гаражом и домом всего восемьсот метров. Дождь закончился, погодка налаживается. Так что у меня есть повод прогуляться пешком. В кои-то веки в городе можно подышать свежим воздухом.

Приехал. Вот и мой гараж в небольшом кооперативе, расположенном в двух кварталах от дома.

Я выхожу из машины, трижды проворачиваю ключ в хитром замке, открываю ворота. Внешне обычный гараж, стандартная планировка с полным набором всякого барахла, которое дома хранить неудобно, да в этом и нет никакой надобности, а выбросить все же жалко.

Однако в моем гараже есть две особенности. Во-первых, его практически невозможно вскрыть из-за хитрой системы

запоров. Во-вторых, именно здесь я обустроил тайник с оружием, боеприпасами и прочими штучками, необходимыми для работы.

В потайной нише, устроенной в смотровой яме, аккуратно лежали бесшумная снайперская винтовка «Винторез» и моя любимая СВДС с удобным прикладом. Отличная машинка для дальнего боя. Там же еще один пистолет с глушителем иностранного производства. Дистанционные, магнитные и радиоуправляемые мины. В пластиковом герметичном контейнере хранились два десятка ампул с ядом, который медиками не обнаруживается даже при вскрытии. А также шприц-тюбики со снотворным и препаратами специального назначения.

Чего здесь только нет! При желании можно вооружить стрелковое отделение или экипировать небольшую диверсионно-штурмовую группу.

Я загоняю машину в гараж, потом прячу в тайник ПМ и все то, что прихватил с собой накануне. После этого я ставлю на место плиту тайника, похожую на бетонную, на самом же деле пластиковую.

Все. Можно топать домой. До прохладного душа и постели с любимым жестким матрасом остается несколько минут.

Уверен, многие люди по своему личному опыту хорошо знакомы с одной странной закономерностью. Если ты чего-то сильно хочешь, то это самое «что-то» обязательно не сбудется. Твоя мечта непременно разобьется о внезапно

возникшее препятствие в виде случая, объективной причины или иного форс-мажора.

Так случилось сегодня и со мной.

Я шел домой привычным маршрутом, шагал на автомате, полусонный, расслабленный. Да и с чего было пыжиться, держать ухо востро? Ведь операция прошла чисто. Следов я не оставил, хвоста на всем пути не было, с Забравской встретился, отчет сдал. Об утреннем ненастье уже ничто не напоминало. Над головой ясное голубое небо, светит яркое солнце, лужи на асфальте подсыхают, отовсюду доносится пение птиц. Короче, на душе полный джаз.

До дома оставалось рукой подать. Надо всего лишь пересечь последнюю улочку и зайти во двор. Взгляд вправо-влево. Машин нет.

Переходя дорогу, я вдруг вспомнил о последнем разговоре с шефом, когда он обмолвился об отпуске. Я несколько лет безвылазно живу в душном городе и никуда из него не отлучаюсь, если не брать в расчет коротких вылазок на природу или появления клиентов в соседних областях.

К сожалению, таковы издержки профессии ликвидатора. Забравская может позвонить в любую минуту и назначить встречу в кафе. Поэтому я и не отлучаюсь из Петровска.

А неделю назад шеф сам внезапно обмолвился:

– Не пора ли тебе, Станислав, отдохнуть?

– В каком смысле? – не понял я намек.

Ведь перед ликвидацией депутата Скребнева у меня был

почти месяц безделья.

Он улыбнулся.

– Ну, стогнать куда-нибудь на Фиджи или Каймановы острова – погреться на белом песочке, потренировать алкоголем печень, разбить парочку женских сердец.

Поначалу я потерял дар речи. Неужели генерал говорит серьезно?!

Он не шутил. Генерал пристально смотрел на меня, и только уголки губ выдавали его хорошее настроение.

– Тебе пора как следует расслабиться, – заявил он, еще раз подтверждая, что это не сон.

– Я что, так плохо выгляжу?

– Выглядишь нормально, но я же вижу, что ты устал, не первый год тебя знаю.

– Означает ли это, Константин Андреевич, что завтра я могу пойти в туристическое агентство и оформить заявку?

– Не так быстро, Стас, – ответил генерал и повторил: – Не так быстро.

В общем, в конце той знаменательной встречи мы с шефом решили, что через месяц я получу комплект документов на другое имя, вполне приличные отпускные и отчалою на три недели в любую точку мира, в какую только пожелаю.

Вот об этом я и вспомнил, ступив на проезжую часть.

Находясь примерно там, где на асфальте должна была быть разделительная полоса, я внезапно услышал противный визг покрышек.

Глава 2. Петровск

Я – Станислав Владимирович Пинегин. Коренной петербуржец. Пупок мой зарыт между Питером и Колпино.

Высок ростом, отнюдь не сублинен, не дурак похулиганить. На лице и теле ношу многочисленные отметины всевозможных приключений: перестрелок, рукопашных схваток и прочих веселых событий. К примеру, перебитая переносица и шрам под правой лопаткой – очень красноречивые знаки беспокойного и отчаянного характера. Взгляд прицельный. Объем бицепсов самую малость не дотягивает до идеального размера женской талии, а жим штанги лежа без экипировки составляет двести семьдесят кило. В общем, безоглядно хамить не советую.

Что я помню из своей жизни? И вообще, с чего все началось?

Наверное, с высшего общевоинского училища, где я постигал азы военного искусства. Или со Второй чеченской кампании, в активной фазе которой мне довелось принять самое непосредственное участие. А может быть, несколькими годами позже, когда я получил соблазнительное предложение повысить квалификацию до профессионального специалиста-диверсанта в одной закрытой специализированной школе.

Впрочем, настоящим профессионалом я ощутил себя

только потом, в Афганистане, где работал несколько лет под псевдонимом Призрак. Мне не раз доводилось устранять видных полевых командиров и сотрудников американской разведки. Моим непосредственным шефом был Семирядов, тогда еще полковник. Я действовал как в одиночку, так и в составе диверсионно-штурмовых и разведывательных групп, как правило, весьма небольших.

Там была по-настоящему трудная и захватывающая работа. Не чета сегодняшней. Сейчас у меня тоже полезное занятие, но я называю его рутинным. От скуки и однообразия мне порой хочется выть на луну.

Да, к сожалению, все хорошее когда-нибудь заканчивается. Несколько лет назад завершилась и моя карьера профессионального диверсанта в специальном отделе полковника Семирядова.

Будучи при деле, часто находясь в гуще стремительно меняющихся событий, я никогда по-настоящему не задумывался о том, что же станет с искусным воином и профессионалом высочайшего класса, окажись он не у дел? Как я поведу себя, когда осяду в другой среде, где все завидные, ценные и жизненно необходимые качества, вызывающие в бою неизменное восхищение, вдруг станут второстепенными, а то и вовсе невостребованными?

Я отгораживался от этих размышлений, наивно полагал, что выйду на пенсию в преклонном возрасте и моя дальнейшая жизнь сложится сама собой, будет спокойной и обеспе-

ченной. Зря я так думал.

Я-то считал, что карьера моя в самом расцвете, и вдруг стал «бывшим» во многих смыслах.

Бывшим капитаном некоего антитеррористического управления.

Бывшим профессионалом.

Бывшим Призраком...

А все потому, что в один отвратительный день какой-то московский чиновник, кавалер ордена «За измену Родине» всех четырех степеней, вдруг решил реформировать наше подразделение. С тех пор я ненавижу чинуш. Если приходит приказ ликвидировать одного из них, то я делаю это даже без намека на угрызения совести.

Взрывная волна тогдашних «реформ» оказалась столь высокой и мощной, что смыла последний налет здравого смысла. Меня и моих коллег вышвырнули на улицу с формулировкой «Уволить в запас в связи с сокращением и реорганизацией» или что-то типа этого. В подробности я не вникал.

Когда у чиновников, одуревших от избытка усердия, начинается тлеть под одним местом, они все делают не просто быстро, а молниеносно. Потому процесс увольнения и расчета занял не более двух недель, что почти невероятно для российской бюрократической машины.

В итоге ни зарплаты, ни пенсии, на которую мне не хватило выслуги. Хорошо, что я хоть успел получить однокомнатную квартирку в Петровске. Мне не пришлось скитаться

по родственникам и друзьям.

В первые месяцы гражданской жизни я не осознавал всей глубины той пропасти, куда меня угораздило сорваться. Еще бы! Только вчера я носил форму с двумя рядами орденских планок на груди, владел любимой профессией, занимался нужным делом и имел полное право пользоваться улыбкой Гагарина. И вдруг оказался за бортом, стал простым безработным.

Не желая после увольнения навсегда расставаться с любимой профессией, я пошел по пути, проторенному многими кадровыми офицерами, то бишь отправился на поиски работы, хотя бы отдаленно похожей на прежнюю службу. За пару месяцев поисков мне довелось побывать в трех десятках компаний, имеющих в своей структуре серьезные подразделения охраны и телохранителей для высшего руководства.

Довольно скоро ко мне пришло разочарование.

Где-то серьезная работа подменялась функциями обыкновенной прислуги под обидные реплики хозяев жизни: «Поддай, принеси, сбегай...» В каких-то компаниях платили копейки, оскорбляющие саму суть опасного занятия. Где-то господа коммерсанты занимались мутными делами, постоянно имели неприятности с фискальными и правоохранительными органами.

Некоторые менеджеры по кадрам, изучив мое досье, в котором ни словом не упоминалось о значительной части моей биографии, имеющей отношение к боевой работе, с ухмыл-

кой отказывали мне: «Извините, но вы не представляете для нас интереса». Хотя куда чаще они ссылались на отсутствие свободных вакансий и предлагали позвонить через месяц, два или три, а еще лучше – через полгода. Это означало: «Да шел бы ты, мужик, в... соседнюю фирму».

Самым прискорбным являлось то, что, оставшись без любимой работы, я вдруг понял, что кроме нее больше ни в чем не разбираюсь. Нет, руки у меня росли из нужных мест. Я легко мог заменить прокладку в кране смесителя, поставить новую розетку, заштукатурить трещину в стене, наклеить обои и даже починить электрику в автомобиле. Однако все мои навыки пребывали на любительском уровне. До настоящих профессионалов, умевших заработать на этом приличные деньги, я не дотягивал.

Пенсию в засекреченной структуре я, как уже говорил, заработать не успел, а денег, накопленных за время службы, хватило всего на полгода гражданской жизни. В общем, настало такое время, когда я был согласен разгружать фуры, торговать левым коньяком, подметать улицы, охранять чужие склады.

С постоянной работой мне радикально не везло. Мыслей по поводу дальнейшего житья тоже не было. Мне следовало что-то менять, иначе я рисковал спиться или утонуть в болоте беспросветной нищеты. Я ломал голову над планом выхода из тупика и бухал, пил по-черному.

А что было делать? Ведь только систематическое пьянство

и позволяло мне примириться с поганой реальностью. К тому же перед глазами всегда имелись достойные примеры.

Мой сосед из далекого детства, дядя Юра, по прозвищу Спящая Красавица, пил всегда. Не больше других, но и от коллектива не отрывался. Он регулярно обнимал земной шар за разные места. То на детской площадке, то на кладбище между могилами, а иногда и прямо в луже, не отходя от магазина. Полежит, подержится за землю до утра, замерзнет, протрезвеет и домой приходит.

Такова была жизнь. В те времена других развлечений еще не изобрели. Не в библиотеку же ему было идти! Впрочем, тогда и там нечего было делать из-за острого дефицита действительно интересной литературы, а не творений, созданных по заказу ЦК КПСС.

Вот и я мотался с места на место, разя изрядным перегаром. Днем где-то подрабатывал, вечерами затаривался алкоголем и бездумно пялился в телевизор, где по всем каналам рассказывали о том, как в стране налаживается экономика и как хорошо мне живется. Альтернативой был поход в «Восточную кухню», где я искал очередных приключений на свою дурную голову.

Так вот я и существовал, изредка приговаривая:

– Не расстраивайтесь, товарищ Пинегин. Если вам за тридцать и вы так ничего и не добились в этой жизни, значит, вы честный и порядочный человек.

Вскоре в моем сознании прозвучал такой, знаете ли, за-

нятный сигнал из посольства страны иллюзий. Станный металлический голос доверительно сообщил мне, что я го-щу у них достаточно долго и имею право получить вид на постоянное жительство. Мне уже не хотелось просыпаться по утрам, куда-то идти, чего-то добиваться и о чем-то мечтать. Единственным непреходящим желанием оставалась похмелька, плавно и незаметно переходившая в очередную пьянку. Ведь не зря же в народе говорят, что похмелиться – это значит выпить на пятьдесят граммов меньше, чем вчера.

И все же, после того как меня выперли со службы, мне невольно пришлось заниматься дальнейшим трудоустройством. Я был молод, несмотря на чрезмерное увлечение алкоголем, пока еще здоров, полон сил, а главное – желания наладить новую жизнь.

Однажды мне повезло. Известная московская кинокомпания затевала съемку крутого боевика и искала дублера для самых опасных сцен. Наткнувшись на объявление в Интернете, я приехал на киностудию, представился, полчаса побеседовал с одним из ассистентов режиссера, к слову сказать, вполне нормальным, грамотным мужиком. В итоге получил место консультанта и каскадера.

В течение нескольких месяцев я принимал участие в съемках на теплом сочинском побережье. Прыгал с большой высоты, стрелял из пистолетов, автоматов, однажды – из пулемета ПК, падал в воду, кувыркался по каменистым склонам, выпрыгивал на ходу из машины. А когда опера-

тор отснял последнюю сцену, мне выдали неплохой гонорар и помахали ручкой. «Спасибо вам, Станислав Владимирович. Если понадобится, мы с вами созвонимся».

На том моя связь с высоким искусством и закончилась. Я вернулся домой и за три месяца прожрал деньги, заработанные синяками, ссадинами и шишками. Потом мне пришлось затянуть ремень и снова отправиться на поиски работы.

Тогда я уже серьезно пристрастился к алкоголю. Ведь поначалу я ближе к вечеру покупал всего-то пару банок пива. Позже доза доросла до двух с половиной литров. Через девять месяцев такой вот насыщенной гражданской жизни я уже хлестал водку каждый день, начинал с обеда и заканчивал глубокой ночью.

Будучи трезвым, я чах и становился противен сам себе. Да оно и не удивительно. После увольнения со службы я успел оскотиниться, зачерстветь, опуститься. Без алкоголя я начинал рассуждать, думать, мечтать о будущем. Хотя на самом деле меня это мало интересовало.

В те ужасные времена единственным будущим, греющим душу, был ближайший вечер с обязательным наличием в кармане энной суммы в российской валюте, чтоб напиться в стельку в кабаке. На худой конец три-четыре сотни для забегаловки, приткнувшейся неподалеку от моего дома.

Что еще? Ах, да! Иногда на десерт я выбирал секс с какой-нибудь смазливой бабенкой, подвернувшейся в рестора-

не или забегаловке. С девицами, отличающимися моральной подвижностью, в Петровске проблем никогда не было. Ни с элитными, ни с уличными.

Собственно, мечта состояла не только из алкоголя и секса. На самом деле в ней содержалось гораздо больше: интрига, приключение, таинственная неизвестность, тревога, сладостное томление в груди...

К сожалению, порой это самое томление заканчивалось плачевно. На моей роже до сих пор красуется парочка шрамов после всякого рода приключений, в непогоду ноют сломанные ребра, иногда болит голова. И все же весь кайф был именно в нем – в томлении. Ради него я бежал из дома, нырял в непроглядную ночь, стойко терпел невзгоды, боль.

Наконец-то наступал долгожданный момент. Я одевался, выходил из однокомнатной квартирki, доставшейся мне за безупречную службу Родине, поворачивал в замке ключ и сбегал по ступенькам лестницы. Навстречу выплывала ночь с ее удивительным бархатом, тяжелой тканью, струящейся сквозь пальцы.

Затем я шел настолько знакомым маршрутом, что мог бы проделать его с закрытыми глазами. Томление достигало пика. В экстазе я хотел орать на весь спящий квартал, разбить камнем чье-нибудь окно или сплясать что-нибудь этакое.

Сейчас я прекрасно понимаю, что тогдашняя жизнь была сущим адом. Долго я не протянул бы, сдох бы в одну из холодных ночей где-нибудь на лавочке в сквере. Но в тот пе-

риод мое беспробудное пьянство казалось нормой не только мне.

В России алкоголизмом не страдают. У нас им наслаждаются.

После скоропостижного сокращения подразделений управления спецмероприятий в Петровске нас осело трое. Мы не теряли связь, частенько перезванивались, встречались на нейтральной территории и со временем облюбовали для таких мероприятий небольшой уютный ресторанчик «Восточная кухня».

В этом заведении не было особенного шика. Повара, невзирая на яркую вывеску, не готовили изысканных национальных блюд. Обслуживание было ровно таким же, как и в десятках других ресторанов города. Просто он удобно располагался на равном удалении от наших жилищ. Да и цены на алкоголь и жарчку во времена любых кризисов тут оставались приемлемыми. Это и было причиной того, что все приятные события, изредка разнообразящие нашу «счастливую» гражданскую жизнь, мы праздновали под сводчатыми потолками данного ресторана.

Так продолжалось довольно долго. Мы созванивались, находили мало-мальски значимый повод, встречались в любимом кабаке и бухали там до потери пульса.

Позже у нас начались серьезные неприятности. Сначала у одного из моих товарищей случился инсульт. Он так завис в нейрохирургии, что провел в реанимации двадцать четы-

ре дня. Все никак не мог определиться: куда ему? Остаться с нами или присоединиться к большинству, находящемуся в мире ином. Мужик до сих пор жив, но полностью оклеветаться не получилось – еле ходит с палочкой. Инвалид первой группы.

Еще через полгода я лишился второго сослуживца. Отмечали вместе какой-то праздник, попрощались, мирно разошлись. А на следующий день его нашли в гараже. Причем в чужом, соседском. Угорел. Вместе с соседкой. Так иногда бывает. Любовники, которым негде уединиться, занимаются сексом в машине, в закрытом гаражном боксе. Заводят двигатель, чтобы не замерзнуть. Под утро забываются после любовных утех и не просыпаются. А потом куча зевак стоит и глазеет, как их вытаскивают из смертельного любовного гнездышка.

Так я остался один. Иногда по утрам, пока еще был трагически трезвым, я закахивал к больному приятелю, приносил ему фрукты, йогурты и всякую диетическую гадость. От него опять тащился известным маршрутом в «Восточную кухню».

В ресторане почти все и всегда происходило словно под копирку.

– Привет, Стас! Как поживаешь? – говорил, завидев меня, официант «Восточной кухни».

– Привет, Антон! – Я кивал в ответ, заказывал бутылку недорогого алкоголя, затем шел в полумрак зала в поисках свободного местечка.

В зале всегда было накурено, стоял гул полупьяных голов.

Я прекрасно знал, что официант даже не глядел мне вслед. Его приветствие и вопрос – ничего не значащие фразы, машинально произносимые при виде каждого посетителя. Он говорил это всем, кого видел хотя бы второй раз в жизни. Правда, надо отдать должное его памяти. Называя имена, приклеенные к внешности, Антон ни разу не ошибся.

При наличии свободных мест я всегда выбирал столик подальше, где меня никто не потревожил бы. Настоящих старых друзей со мной больше не было, новых я не заводил. Да и не было на горизонте людей, подходящих для этого.

С каждым глотком алкоголя в мышцы возвращался давно забытый тонус, тело обретало гибкость. Спиваясь, я уверенно ступал по проторенной дорожке, где знал каждую кочку и ямочку. Спустя четверть часа мне становилось хорошо. Улетучивались непреодолимые сложности, забывалась беспросветная нищета. Я вновь обретал уверенность в себе и погружался в иллюзию благополучия. Угрюмые лица людей, сидевших за соседними столиками, превращались в приятные и приветливые. А после третьей порции мне начинало казаться, что я вообще никогда не покидал этого заведения.

– Антон, будь любезен – еще бутылочку! – говорил я и призывно скидывал руку.

Тот кивал, и вскоре на моем столе вместо опустевшей по-

являлась новая бутылка.

Шмара, сидящая по соседству, строила мне глазки. На некрасивом лице с излишками косметики блуждала похоть. В мутных глазах плескалась смесь из пива, дешевых коктейлей и еще бог знает чего. Она подмигивала, намекала, что просто жаждет активных действий с моей стороны.

Не дождется. Даже в крайней степени опьянения я был разборчив в выборе подруг для продолжения банкета.

Примерно по такому плану проходили все мои вылазки в «Восточную кухню». Домой я возвращался далеко за полночь. Один или с дамой, коей суждено было стать моей подружкой ровно на одну ночь.

Секс в моей однообразной жизни красной строкой прописан не был, но в небольших количествах присутствовал. Исключительно ради физиологических потребностей организма.

И вообще, если бы меня спросили, согласен ли я променять секс на пару банок варенья, то я, естественно, отказался бы. Потому что мое любимое – алычовое – сейчас стало редкостью.

Иногда по дороге домой случались приключения в виде потасовок или конфликтов с сотрудниками органов правопорядка. Помню, однажды меня после изрядного возлияния остановил наряд, состоявший из двух парней, совсем молодых, только что после армии. Тогда они еще назывались милиционерами. То, что им не приглянулся я – полбеда, как-

нибудь договорились бы. Куда хуже было то, что они не понравились мне.

Чем? Сейчас и не помню. Скорей всего, высокомерным поведением, присущим именно таким вот желторотикам не только в одной милиции.

Посему договориться у нас не получилось. После короткого, но содержательного разговора я доковылял до хаты. Им же пришлось какое-то время приходить в себя под скамейкой, на грязном асфальте. Уложить их туда мне, даже пьяному, не составило особого труда.

Конфликты подобного рода крайне редко заканчивались в травмпунктах или больницах. Однако это тоже случалось.

Не знаю, сколько продолжалось бы это безумие. Год, два, от силы три. А потом я, наверное, замерз бы под каким-нибудь забором или загнулся бы с похмелья от сердечной недостаточности.

Да, все так и случилось бы – в этом я уверен на все сто. Если бы не один телефонный звонок. Станный и неожиданный.

Когда я включил трубу, то ушам своим не поверил. Признаюсь, мелькнула мысль, а не глюки ли у меня. Потому что звонил мой бывший шеф – Константин Андреевич Семирядов.

Я познакомился с ним в стародавние времена, когда простой народ верил тому, что ему показывали по телевизору,

сразу после зачисления в тот самый спецотдел, о котором уже упоминал. Семирядов руководил им и тогда еще носил полковничьи погоны.

Что я могу о нем рассказать? Внешность самая заурядная: среднего роста, такого же телосложения. Короткие седые волосы обрамляли лицо с правильными, но крупноватыми чертами. От большого количества ежедневно выкуриваемых сигарет кожа его рук, лица и шеи была настолько тонка, что почти не имела цвета.

При некоторых явных недостатках характера он был настоящим специалистом, воспитанным в старой доброй школе контрразведки КГБ. У него всегда был талант оратора. Он мог так убедительно говорить, что запросто сошел бы за идеолога любой политической партии или за карточного шулера, работающего в поездах дальнего следования. По сути, с небольшой натяжкой, это одно и то же.

Обычно Константин Андреевич был таким же злым, как сторож с холостыми патронами. Но иногда его отпускало. Старик добрел и разговаривал с подчиненными подобно священнику или заботливому отцу. По службе же он всегда оставался требовательным и взыскательным.

Семирядов предпочитал штатские костюмы. В форме полковника я видел его раза три, никак не больше. Сейчас он генерал, но и в свой роскошный мундир обряжается не часто.

– Привет, Станислав! – бодро прокричал он мне несколько лет назад. – Узнал?

– Нет...

Накануне я изрядно напоролся и спросонья плохо сообщал.

– Совсем одичал от гражданской жизни! Семирядов с тобой говорит. Генерал-майор Семирядов.

– Константин Андреевич?.. – Я обалдел от неожиданности, икнул и проблеял: – Здравствуйте.

– Здорово еще раз. Ты выпил, что ли?

– А чего же мне не пить? Трезвость без повода, знаете ли, симптом тревожный. Такое кого угодно заставит нервничать.

Семирядов рассмеялся.

– Это верно. Как поживаешь?

– Да не помер пока.

– Не соскучился по сослуживцам?

Примерно так миллион лет назад спрашивал тираннозавр у загнанной и обессиленной жертвы.

Вновь в динамике смех Семирядова. У него явно было прекрасное настроение. Да и с чего бы не радоваться жизни ему, генералу?

Соврать с похмелья у меня не получилось.

– Скучаю, когда нахлынут воспоминания.

– Работу нашел?

– Нет.

– А чем занимаешься?

– Так... подрабатываю то там, то сям.

– То там, то сям, – передразнил он и возмутился: – Ты же

профессионал, каких поискать! Почему же до сих пор не при делах?!

Топая на кухню, чтоб выпить холодного рассола, я пожал плечами и заявил:

– Вы так говорите, будто я сам ушел. Кем я сейчас устроюсь? Может, наемным киллером? Что-то не встречал я таких объявлений в газетах.

– Ладно-ладно, – примирительно проворчал старик. – Я прекрасно помню, как с вами обошлись. Стало быть, бездельничаешь?

– Лень и безделье, товарищ генерал, – залог здоровой старости.

– О как! Ну, в целом неплохо, раз не утратил чувство юмора. Рад за тебя.

Он никогда не говорил о сути дела сразу. Даже во времена нашей совместной службы, когда сверху спускали приказ о срочной работе, мне предстояло быстро собрать шмотки и лететь на другой континент.

Однако сегодня Семирядов пренебрег привычкой, резко сменил тон, траурно покашлял в трубку и огорошил меня:

– Слушай, есть серьезный разговор. По телефону не могу – слишком долго и не предназначено для лишних ушей. Короче говоря, надо встретиться.

«Не предназначено для лишних ушей» на языке моего бывшего шефа означало нечто очень важное. Настолько серьезное, что я готов был испугаться.

– Ты сегодня свободен? – поинтересовался он.

– Да.

– Тогда жду.

– В каком смысле ждете? Где?! – запаниковал я. – Как же я успею обернуться? Петровск хоть и недалеко от столицы, но все же не пять минут...

– Какой столицы?! – Генерал заржал в трубку, как строевой конь. – Я уж полгода живу по соседству с тобой.

– В Петровске?!

– Да. Коттеджный поселок Восточный. Знаешь такой?

– Тот, что справа от Калининского шоссе?

– Верно. Запоминай адрес, и чтобы через час был у меня!..

В те времена поселок Восточный только строился. Около десятка готовых роскошных коттеджей уже стояло по левую сторону от свежей асфальтовой дороги. По правую раскинулось столько же стройплощадок. На некоторых копошились рабочие, гудела техника.

По соседству с поселком темнел лесок, разрезанный пополам мелкой извилистой речушкой. Рай, да и только.

Участок генерала был третьим по счету. За новеньким кирпичным забором виднелись верхушки хвойных деревьев, а над ними возвышалась крыша из настоящей черепицы.

«Неплохо устроился шеф», – подумал я, подходя к калитке.

Встретил он меня как близкого родственника, которого

судьбина лет на тридцать забросила на другой континент. Впустил на территорию, приобнял, похлопал по спине, пригласил в дом.

В гостиной уже дожидался накрытый стол.

– Располагайся. – Семирядов кивнул на стул, сел напротив, откупорил бутылку дорогого коньяка, наполнил рюмки, подозрительно взглянул на меня, мягко говоря, несколько потрепанного жизнью, и спросил: – Ну и чем же ты все это время занимался?

– Да по-разному, – уклончиво ответил я. – Гражданским специальностям не обучен, поэтому на постоянную работу нигде не берут. Приходится перебиваться временными калымами.

– Видок у тебя неважный. Попиваешь?

– Бывает.

Сам шеф за прошедшие годы почти не изменился. Разве что немного раздобрел, да в висках прибавилось седины. Похоже, заботится о себе, любимом, соблюдает распорядок, сидит на диете, завязал с вредными привычками. Я же, в отличие от него, из-за алкогольного марафона изрядно сдал. С этим приходилось согласиться.

Он разлил по рюмкам коньячок, щедро накидал в мою тарелку всевозможных закусок.

– Ну, давай за встречу! Мы ж почитай больше трех лет не виделись.

Мы выпили, закусили, выкурили по сигарете. Постепенно

завязалась беседа.

– Так что у тебя с работой? – спросил генерал, погладил живот и откинулся на спинку кресла.

– Я ж сказал, что постоянной нет. Подрабатываю время от времени.

– И кем же? Небось в охране?

– Кем придется. Грузчиком, сторожем, разнорабочим...

– Тяжело, наверное? – полюбопытствовал генерал и разлил по второй.

– Всяко бывает. В принципе вариантов временной работы много. Можно и нормальную выбрать.

– Да, в России работа будет всегда, – с усмешкой проговорил мой пожилой собеседник. – Например, снимать асфальт и снова его укладывать.

В третий раз мы подняли рюмки, не чокаясь – за погибших боевых товарищей.

После четвертой Константин Андреевич долго рассматривал меня, как редкостное насекомое, затем осторожно намекнул:

– Могу предложить тебе одно дельце. На постоянной основе. Пыльное, грязное, но с очень приличным денежным вознаграждением.

Я вопросительно посмотрел на него.

– Ну что, готов выслушать? – спросил генерал.

– Валяйте. Отчего не выслушать хоть и бывшего, но все же начальника.

Я уже упоминал, что Семирядов обладал незаурядными ораторскими способностями.

Он сделал краткий экскурс в тонкости нынешней политической обстановки, потом спросил:

– И что мы имеем в реале? Отжать у детского сада или музея здание в пользу церкви, потому что сто лет назад оно ей принадлежало – можно. А отобрать у олигарха в пользу страны перерабатывающий завод, незаконно захваченный им двадцать лет назад, – нельзя. Согласен?..

Я утвердительно кивнул. Лучше согласиться, чем вступить с ним в бесполезный спор, о чем бы ни шла речь. Хотя в данном случае я действительно был с ним согласен.

– Что за хрень у нас происходит?! Дожили! Треть страны работает на «выкопать», вторая на «продать»!

– А последняя треть?

– А последняя – это нахлебники и захребетники!

– Кто?..

– Чиновники всех рангов, люди в погонах, фискалы, депутаты!..

Мой бывший шеф, как и всегда, начинал разговор с розовых далей, где никто и никогда не бывал. Он редко приступал к главному, не помусолив политику, коррупцию, криминал, шоу-бизнес и прочую радость электората.

– Сегодня наше государство более всего напоминает пресловутый клуб самоубийц, где каждый надеется, что туз пик вытащит кто-нибудь другой. Напрасно надеется!..

Для начала он трогательно порассуждал на тему «Кому в современной Руси жить хорошо, а кому не очень». Будучи прирожденным оратором, говорил генерал красноречиво и убедительно.

Я почти поверил в его доводы, тем более что вариант плохой жизни освоил и сам, причем от и до, наилучшим образом.

– Официально власть нашей страны настроена на решительную борьбу с коррупцией и прочей нечистью. Но на самом деле эта зараза настолько проросла в кишки общества, что так просто ее не одолеть, – совершенно искренне вещал Семирядов. – В реальности нам остается смириться с положением дел. То есть сидеть на попе ровно и высказывать мнение в русле установившегося положения вещей. Белых ворон у нас не замечают либо отстреливают. Это в зависимости от конкретной обстановки. Согласен?

Почти каждую глубокомысленную фразу Семирядов заканчивал этим вопросом. Я опять утвердительно кивнул, потому как озвучивал он вполне понятные вещи.

Генерал удовлетворился моей реакцией, затянулся табачным дымом, вскочил с кресла и, расхаживая вдоль раскрытых окон, пустился в дальнейшие рассуждения:

– Да, наша жизнь в Советском Союзе была непроста и противоречива. Имелось в ней и хорошее, и плохое. Работали молча, без рекламы и пафоса. Причем все. И это, согласись, было здорово. Американцы пять лет трубили о том,

что вот-вот запустят первый искусственный спутник Земли. Мы не трубили, а взяли и утерли им нос в пятьдесят седьмом. И с Юрой Гагариным сложилась похожая ситуация. А что теперь? Сегодня наши ответственные лица тоже научились трубить. Громко. Красиво. И безответственно. В этом то и весь казус: ответственные трубят безответственно. И вообще!.. Понимаешь, некоторые люди, вроде бы пробившиеся наверх, на самом деле туда просто всплыли. Сейчас, Станислав, настало время, когда необходимо освободиться от этого дерьма.

Я даже не пытался предугадать, куда приведет тропинка его философских измышлений. Это всегда было бессмысленным и неблагодарным занятием.

– Впрочем, хватит с тебя политики и высоких материй, – заявил Семирядов, внезапно вернулся к столу и затушил окурок в пепельнице. – Ты обычный исполнитель. Опытный, высокопрофессиональный, один из лучших в своем деле. Тем не менее рядовой. Значит, не должен много думать о природе приказов, отдаваемых тебе.

Ну, слава богу, выдохся. Сейчас перейдет к делу, ради которого и нашел меня.

– Ты, наверное, догадался, что мое появление в Петровске не случайно? – спросил генерал и таинственно сверкнул очками.

Я почти искренне удивился и осведомился:

– Разве вы не на пенсии?

Семирядов усмехнулся:

– Чудак! У меня большая квартира в Москве, домик недалеко от окружной дороги. Чего бы я променял их на житие в захолустье?!

Верно. Об этом я почему-то не подумал.

Семирядов вновь наполнил рюмки, сделался серьезным и сказал:

– Последние полгода я возглавляю специальный отдел по ликвидации неких до предела обнаглевших господ, которые запускают руку в бюджет страны, ставят свои интересы выше государственных, растлевают общество. В общем, все тех негодяев, которых давно жаждали в аду с оркестром.

Я нервно почесал затылок и с минуту сидел молча, переваривая услышанное. Надо же! Неужели Всевышний внял мольбам миллионов простых россиян, и на самом верху принято решение создать сверхсекретное подразделение по очищению общества от плесени? Неужели свершилось?!

– Да-да, такое подразделение существует и успешно работает, – угадал мои мысли Константин Андреевич. – И если бы не было нас, карателей зарвавшихся VIP-персон, то тонкая прослойка рублевских россиян была бы счастлива. Согласен?

Я машинально кивнул.

– Короче говоря, я предлагаю тебе стать сотрудником моего подразделения. С ответом желательно не затягивать.

У меня аж дух перехватило. Коньяк в рюмке растерялся, светло грустил в ожидании глотка.

Неужели настал тот поворотный момент, когда жизнь из черно-белой превращается в объемную?

– Подумать можно?

– Думать нужно всегда. Времени у тебя полчаса, – заявил генерал и как ни в чем не бывало продолжил: – К большому сожалению, нас с тобой угораздило жить в непростое время, когда книга стоит больше бутылки водки, приглашение Деда Мороза обходится дороже вызова проститутки, а разносчик пиццы приезжает быстрее полиции и «Скорой помощи». Когда за кражу кефира старушку забирают в отделение, а чиновника за разворовывание государственной казны увольняют с поста и с почестями отправляют на заслуженный отдых.

Мой бывший и будущий шеф озвучил главное, ради чего пригласил меня в свой новый особняк, и опять пустился в розовые философские дали. Политик из меня никудышный. В партиях никогда не состоял, на демонстрациях флагами-плакатами не размахивал. Зато и Родину по элементам таблицы Менделеева не распродал, а это по нынешним меркам уже много.

– Вся беда в том, что современной Россией, за исключением главы государства и немногих личностей, близких к нему лиц, управляют случайные люди, – распаялся генерал. – Финансами занимаются те, кто хранит деньги за рубежом, образованием – те, у кого дети учатся в Гарварде, здраво-

охранением заправляют функционеры, предпочитающие лечиться за границей.

«Вы безусловно правы, Константин Андреевич. Но лучше бы помолчали. – Я пытался сосредоточиться на своих мыслях. – Вы же понимаете, что предложение войти в состав засекреченного подразделения прозвучало для меня неожиданно. Требуется время, чтобы все проанализировать и подумать. Хотя бы несколько минут».

Мозг работал на максимальных оборотах, проецировал идею творческой деятельности в структуре генерала Семирядова на мое бедственное положение. Прикидывал возможности, рассчитывал затраты, рентабельность, норму прибыли и прочие умности из бухгалтерского лексикона.

Идея была глуповатой, но красивой и смелой. А еще я получал реальный шанс не спиться и выбраться из болота, так как работа под руководством пожилого вояки простой никогда не была. Для нее он нашел бы кого-то другого.

– Ты пойми, Станислав, старый человек тоскует не о политическом устройстве своей страны, не по утраченному порядку или копеечным ценам на докторскую колбасу. Он сожалеет об утраченной молодости и о том бесконечном жизненном пути, который когда-то уходил далеко за горизонт. Согласен?..

– Да, Константин Андреевич, про коммунизм нам ввали, а все то, что рассказывали про капитализм, оказалось сущей правдой, – сказал я, вздохнул и поморщился от едкого та-

бачного дыма, который наполнял большую гостиную.

Окна были открыты настежь, но это не спасало. Генерал курил одну сигарету за другой.

Услышав мой голос, он встрепенулся и резко сменил тему:

– Так ты согласен работать со мной? У тебя будет все: деньги, дорогой автомобиль, женщины, поездки на отдых на лучшие курорты мира и много других непечатных радостей жизни.

«Надо соглашаться, – мысленно уговаривал я себя. – Ведь мне давно хотелось поменять образ жизни. Сейчас выпал реальный шанс. Глупо было бы его упустить. Тем более что заниматься-то придется привычной, в общем-то, работой, только не где-то в горах, в непроходимых лесах или в песках, а в гораздо более комфортных условиях».

– Хорошо, товарищ генерал, я согласен. Кстати, вы пролушки не боитесь?

– Брось! – в сердцах отмахнулся он. – Распихивать «жучки» по квартирам и кабинетам давно стало моветоном. Гораздо проще заплатить сотруднику, который с радостью сдаст кого угодно. Ты-то, надеюсь, не переметнулся?

– Я?!

– Верю-верю. – Семирядов рассмеялся, облегченно вздохнул и признался: – Рад, что ты согласился. Теперь по существу. Вот что мы с тобой сделаем в первую очередь. Я постараюсь в кратчайший срок восстановить тебя на службе. Уверен, все получится. Тебе вернут звание и выслугу лет, поло-

жат хороший оклад, а за выполнение моих приказов будут начислять такие премии, о которых ты не мечтал даже в пьяном бреду. – Семирядов разлил по рюмкам очередную порцию коньяка. – Но взамен от тебя потребуется предпринять ряд усилий.

– Каких?

– Для начала завяжешь со всеми вредными привычками, которые приобрел за время вольной гражданской жизни – это раз. Пару недель походишь в спортзал, бассейн и тир, займешься восстановлением формы. С абонементом и пропусками я договорюсь. Это два. Далее я познакомлю тебя со своим заместителем полковником Павлом Трухиным и связной Миленой Забравской. Больше тебе ни с кем из моего отдела встречаться не придется. Впрочем, с полковником только в случае крайней необходимости. Это три.

Начинается пытка китайским бамбуком. Это раз, это два, это три. Старая и до боли знакомая песня.

Однако вслух я ворчать не стал. Если согласился работать, значит, придется потерпеть.

– Потом я начну приобщать тебя к нашей работе, – продолжал генерал. – Ее у нас невпроворот. Развелось всякой мрази в стране!.. Сам знаешь.

– Что я должен буду делать?

– Работа ликвидатора внутри страны заметно отличается от твоей прежней службы. Перед командировками в Азию, в Африку и на Ближний Восток аналитики и оперативни-

ки моего отдела снабжали тебя самой полной информацией о человеке, которого требовалось устранить. Помнишь, мы умудрялись добывать даже редкие видеоматериалы.

– Верно, так и было.

Тогда я действительно нередко удивлялся тому обилию информации по клиентам, которая предоставлялась мне. Правда, не всегда полностью достоверной.

– Здесь же ты будешь получать лишь небольшое досье, состоящее из пары страниц: имя клиента, возраст, должность и место работы, адрес, состав семьи. А также наличие охраны, если таковая имеется, описание автомобиля и несколько фотографий. Всю остальную работу по отслеживанию маршрутов, выяснению привычек и прочего тебе придется делать самому.

– Константин Андреевич, вы, наверное, забыли, сколько раз в прошлых командировках мне приходилось исправлять недочеты ваших долбаных аналитиков?

– Да, просчеты тоже случались, – согласился генерал и вдруг оживился: – Так это же хорошо! Значит, и теперь справишься, верно?

– Попробую.

– Ну, давай по последней, и разбегаемся. У меня сегодня еще куча дел.

Мы выпили, выкурили еще по сигарете, и на этом наша встреча завершилась.

Кстати, пить после нее я действительно бросил и все-

рьез занялся восстановлением физической формы. Дал слово и взял себя в руки. Иногда, ближе к вечеру, я набивал бокал льдом, доливал его до краев хорошим вискарем и растягивал удовольствие на пару часов либо радовал себя несколькими банками пива. Перевел, так сказать, количество в качество.

Да, несколько лет назад моя жизнь круто изменилась. Я перестал бухать до чертиков, восстановил физическую форму, стал следить за собой. Даже навел в квартире порядок, близкий к идеальному.

Генерал Семирядов сдержал слово. Он добился моего восстановления на службе, познакомил меня с заместителем – полковником Трухиным и связной Миленой Забравской. Мы с ней обговорили место и порядок связи, передачи заказов и отчетов о проделанной работе.

За первый месяц службы, в течение которого я работал исключительно над собой, мне перевели на карточку неплохую зарплату. Увидев на экране банкомата сумму, я даже на секунду ощутил себя миллионером.

Потом позвонила Забравская и пригласила в заранее условленное место встреч – в кафе «Радуга».

Там, сидя в отдельном кабинете, она незаметно передала мне флешку и шепнула:

– Здесь досье на первого клиента, красавчик. Поздравляю с началом трудовой деятельности.

Согласно распоряжению Семирядова я должен был ликвидировать некоего Витю Макеева, бизнес которого процветал в городе Петровске. Это был отъявленный негодяй, в лихие девяностые сколотивший самую жестокую и многочисленную банду в регионе. Витя держал в страхе не только деловых людей города, но и отдельных представителей силовых структур. С крупными чиновниками и руководством правоохранителей он предпочитал договариваться, а неподкупных и несговорчивых персон находили убитыми в лесах и водоемах.

С годами главарь банды поутих, поумнел, начал проявлять осторожность. Убивать перестал, но на корню скупил большинство тех должностных лиц, от которых зависело решение вопросов, важнейших для его бизнеса.

Судя по фотоматериалам, Макеев был оплывшим от жира пятидесятилетним мужиком среднего роста. Куцая бесцветная растительность на башке, пухлые щеки, очки и огромная задница. В общем, ничего примечательного.

Я был новичком, поэтому на первую операцию Семирядов щедро отпустил мне целую неделю. Я изучил досье и фотоматериалы, принялся следить за клиентом и вскоре выяснил, что излюбленным местом отдыха Макеева был «Брудершафт» – самый респектабельный ночной клуб Петровска. В других местах обитания и по маршрутам следования грохнуть его не представлялось возможным. На то имелись веские причины в виде бронированного автомобиля, отра-

ботанных мер безопасности и тучи вышколенных и вооруженных охранников.

Я взялся изучать клуб, располагавшийся у городской набережной. Это было весьма необычное местечко. В теплое время года на набережной повсюду пестрели подсвеченные маркизы небольших кафе и ресторанчиков, прямо на тротуарах возле домов стояли столики, меж которых сновали официанты. Но все это уже давно примелькалось и у богатой публики интереса не вызывало.

Поэтому хозяин «Брудершафта» решил привнести в клубно-ресторанный бизнес некую изюминку. Он купил где-то за бесценок старую речную баржу, отремонтировал ее, установил у парапета набережной и соответствующим образом оформил интерьер.

Внутри я никогда не бывал и видел эту странную посудину только снаружи. После перестройки от старой баржи остался корпус, раскрашенный по замыслу обкуренного дизайнера в самые необычные яркие цвета. Все остальное было сделано заново.

Теперь мне предстояло познакомиться с «Брудершафтом» поближе, так как ликвидировать Макеева я мог только там.

Его ликвидация, ставшая моим боевым крещением, произошла несколько лет назад. Как впоследствии оказалось, та операция стала одной из сложнейших в моей практике. С тех пор утекло много воды, я набирался опыта. К сего-

дняшнему дню список сволочей, отправленных мною на тот свет, насчитывает весьма приличное количество поядковых номеров. Так что я имею полное право рассуждать о степени сложности тех или иных своих заданий.

Итак, я получил от генерала Семирядова дебютное поучение ликвидировать Витю Макеева и приступил к слежке. После бесчисленных командировок в Афганистан, Центральную Азию и Северную Африку работа в городском ландшафте для меня была чем-то сродни экзотики – приходилось всему учиться заново.

Для начала я выяснил маршруты передвижения и кое-какие привычки клиента, потом начал знакомиться с ночным клубом «Брудершафт». Тут-то я окончательно убедился в том, что в других значных местах и районах провинциального Петровска лишить Макеева жизни было практически невозможно.

Понятия не имею, что происходило зимой с баржей, переделанной и разукрашенной в попугайские цвета. То ли ее уводили в затон, то ли просто закрывали, то ли она функционировала, отапливаясь буржуйками.

Летом же эта посуда, ставшая самым уважаемым ночным клубом города, всегда стояла на одном и том же месте. С набережной она соединялась двумя узкими деревянными мостками с перилами. Посередине, между мостков, горела неоновая надпись «Брудершафт». Она же красовалась и на ярко-розовом борту этого сооружения, очень даже нема-

лого по размерам.

Я хорошенько осмотрел клуб снаружи, потратил приличную сумму, дабы побывать внутри, и понял одно. Ни один умный человек не отважится ликвидировать здесь клиента. Свалить при случае некуда. Единственный путь отступления – по мосткам, да и тот простреливается со всех сторон. Достаточно одного человека с оружием на верхней палубе, и он сделает из меня зачетное решето.

Имелся еще один вариант – свалить с баржи вплавь. Но о подобных подвигах мне почему-то даже думать не хотелось. Это был самый крайний случай. Сродни японскому харакири.

Внутри же баржи все выглядело действительно шикарно. Не зря среди местной знати этот клуб пользовался бешеной популярностью.

Посередине конструкции возвышалась башня, по замыслу обкуренного архитектора напоминавшая маяк. В его основании, судя по ароматам, размещалась кухня.

К носу от кухни располагался приличный по размерам ресторан. В теплое время года над его крышей колыхался от дуновений ветра громадный тент. Под ним тоже располагались столики.

С противоположной стороны был устроен танцевальный зал, огромное вытянутое пространство со стойкой бара с одного торца и приподнятой сценой – с другого. Под потолком и по всему периметру мигали, сияли и тлели разноцветные

фонари, лампочки и прожекторы. По углам гремели басами огромные колонки.

Верхние палубы были украшены гирляндами и флагами. Тут и там сновали официанты, выряженные в форму стюардов океанского лайнера.

В низах все было запутанно и сложно. Спустившись по трапу, я оказался в душном холле и сразу услышал некие непотребные звуки. Пока глаза мои после яркой иллюминации привыкали к полумраку, я едва не споткнулся о клубок каких-то тел. Каюты, укромные закутки, повсюду диванчики с мягкими подушками, кальяны. Характерный запах травки и нетрезвый народец, потягивающий через трубочки горячительные напитки из мелких пластмассовых шутеров. Тут же на диванчиках под тусклым светом корабельных плафонов целовались парочки, из кают доносились сладострастные стоны.

Ближе к корме в прошлой жизни этой посудыны находилось машинное отделение. Теперь там были оборудованы сауна и бассейн.

Но туда я не дошел, решил прикончить Макеева ближе к душной и сумрачной зоне, где нестерпимо воняло алкоголем и наркотой.

Глава 3

Мне неоднократно доводилось бывать в такой глубокой

заднице, что потом долго приходилось щуриться от дневного света. На этот раз обошлось. Перед контактом с бампером тормозившего автомобиля я успел придать телу нужный вектор движения и сгруппироваться.

Удар был неожиданным, но, к счастью, несильным.

Как я мог так расслабиться?! Ума не приложу.

Как водится, я упал и чуток прокатился по асфальту. Но тут же встал, отряхнулся, ощупал голову, коленные и локтевые суставы.

«Та-ак! – с прискорбием подумал я. – Бог показал мне желтую карточку. Следующая будет красной».

Осмотр повреждений закончен. Все в норме – красив в строю, силен в постели, как и раньше. Теперь надлежит выяснить, что произошло. А именно – случаен ли данный наезд.

Мои сомнения быстро улетучились. Из небольшой светлой «бэхи» выпорхнула насмерть перепуганная молодая женщина. Стройная, симпатичная, темноволосая, лет тридцати. С бледным лицом и трясущимися руками.

– Господи!.. – проглотив ком, застрявший в горле, выдавила она. – Как это произошло?.. Откуда вы взялись?!

– Все мы, барышня, приходим из одного места, – с улыбкой проговорил я.

– Вы в порядке? – Она заметно нервничала.

«Нет, на убийцу не похожа», – подумал я, окончательно успокоился, но на всякий случай огляделся по сторонам.

Соучастников не видно, других автомобилей на улочке нет, все прохожие слишком далеко.

Я прекрасно понимал, что в инциденте виноват сам. Дорога не место для фантазий и размышлений о предстоящем отпуске.

Однако для порядка я проворчал:

– В порядке. Вы давно водите машину?

– Лет шесть. – Она пожала плечиками и предложила: – Давайте я отвезу вас в больницу.

– Зачем?

– Как зачем?! Вдруг перелом!

– Нет у меня никаких переломов, иначе я не стоял бы рядом с вами и не делал то, что делаю. – Я отряхнул с коленок пыль.

– Тогда в травмпункт – он здесь недалеко.

– Знаю. Не первый год живу в этом районе.

– Вам надо обязательно показаться травматологу! – проговорила она взволнованно и напористо.

Покончив с чисткой одежды, я невольно залюбовался чертами ее приятного лица.

Красива. Чертовски мила!

– Почему вы на меня так смотрите? – Она вдруг заметила мой интерес.

– Успокойтесь. Со мной все нормально. – Я вновь улыбнулся. – Ни ушибов, ни гематом, ни тем более переломов. Лучше дайте номер своего телефона, – выскочило у меня

как-то машинально.

Какой сейчас может быть номер?

Женщина секунду подумала и согласилась:

– Да-да, конечно. Кстати, я врач, и если вы вдруг почувствуете себя хуже – сразу звоните.

– Непременно. А кого позвать?

– В каком смысле?

Туго соображает девушка. Такое впечатление, что с асфальтом обнималась она, а не я. Видимо, следствие шока.

Я сформулировал вопрос прямо:

– Как вас зовут?

– Екатерина Андреевна. Можно просто Катя. А вас?

– Станислав Владимирович. Или просто Стас. Если позвоню, то приедете?

– Конечно. Это же мой долг.

– Прекрасно. – Я достал сотовый.

Она назвала номер мобильного телефона. Я забил его в контакты. Что ж, благодаря несчастному случаю мне посчастливилось познакомиться с весьма привлекательной женщиной.

Она попрощалась, возвратилась за руль автомобиля, с третьего раза запустила двигатель и уехала. Ну а я побрел во двор своего дома. Надо наконец принять душ и часок-другой вздремнуть.

Тяжелый выдался денек.

Душ приятно освежил меня. Я еще раз осмотрел себя

и убедился в том, что наезд милой женщины особых последствий не имел. Из душевой кабины я проследовал напрямую в комнату, где свалился на свой старенький, но очень удобный диван. Сейчас таких не делают.

Проспал я целых пять часов. Сказались усталость и нервозность, связанные с ликвидацией депутата.

Я встал, умылся, покормил вечно голодного кота, приготовил себе яичницу и без аппетита поел. А потом вдруг понял, что заняться абсолютно нечем. Выспался, отдохнул, перекусил...

Бесцельно шляться по городу мне не хотелось. По телевизионным каналам шли бессмысленные сериалы и невеселые новости из-за кровавой возни на Украине. Как поговаривают в наших кругах: «Хочешь быть спокойным и счастливым – не включай телик».

Я сварил крепкий кофе, постоял с чашкой у приоткрытого окна, созерцая тихий безветренный вечер. Потом мой взгляд наткнулся на сотовый телефон, и я невольно поймал себя на мысли, что постоянно думаю о новой знакомой.

Никакой информации о ней у меня не было. Молода. Красива. Неплохо обеспечена, раз ездит на относительно свежей «бэхэ». Из этого следует, что Катя имеет богатого мужа или хорошо зарабатывает сама.

«Негусто, – подумал я и почесал затылок. – А может, напомнить о себе? Почему бы нам просто не встретиться и не

поболтать? Или не стоит?.. Вдруг она феминистка или еще как-нибудь жизнью обижена?»

Сомнения одолевали меня недолго. План действий созрел сам по себе, при минимальном участии сознания. Мысль, просвистевшая пулеметной очередью, напрочь разорвала блаженный покой.

Я нашел в контактах ее номер, позвонил и услышал знакомый голос:

– Да.

– Привет. Как поживаешь? – проговорил я так, словно знал ее лет пять.

– Здравствуйте, – растерянно ответила она. – Кто это?

– Вот тебе раз! – шутливо возмутился я. – Утром чуть не задавила насмерть, а к вечеру напрочь забыла.

– Ах, это вы, Станислав! Простите, не узнала. Как вы себя чувствуете?

– Бывало и хуже. Колено слегка побаливает, – намеренно приврал я. – А в остальном вполне терпимо.

Как я и ожидал, жалоба на больное колено не позволила женщине быстро свернуть разговор. Это было бы по меньшей мере неделикатно.

– А что именно болит? – озабоченно поинтересовалась она. – Сустав, мышца или ссадины на кожном покрове?

– Точно не знаю. Уверен, не сустав. Скорее мышца или ссадина. Послушай, Катя! – Я решительно перешел к делу. – Наше знакомство было скоротечным. Не хочешь встре-

титься сегодня? Я мог бы пригласить тебя в кафе или ресторан.

– Извините, Станислав, но сегодня не получится. Я должна забрать дочь из музыкальной школы.

– Жаль, – промямлил я и почувствовал себя полным кретином. Позвонил, напросился!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.